

ФЕНОМЕН СТРАХА В РАБОТАХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Имомалиев Шукур, Магистрант -2 курса Термезского государственного
университета

Хужанова Озода Тожиевна- *заведующий кафедрой русской и мировой литературы,
док.фил. (PhD) по филологическим наукам Термезский государственный
университет*

Аннотация. Страх - один из древнейших феноменов человеческой природы и культуры. Понятие страха объёмно, онтологично и крайне важно при осмыслении социально-культурных процессов. Данная статья является попыткой осмысления феномена страха в русской литературе и предлагает рассмотреть различные формы его проявления.

Ключевые слова: страх, феномен страха, экзистенциал, Бердяев, Шестов, Достоевский, Толстой.

The phenomenon of fear in the works of Russian thinkers

Annotation. Fear is one of the oldest phenomena of human nature and culture. The concept of fear is voluminous, ontological and extremely important in understanding socio-cultural processes. This article is an attempt to comprehend the phenomenon of fear in Russian literature and suggests considering various forms of its manifestation.

Keywords: fear, the phenomenon of fear, existential, Berdyaev, Shestov, Dostoevsky, Tolstoy.

Исследование феномена страха в настоящее время не теряет своей важности и связано это с тем, что перемены, происходящие в жизни современных людей, вынуждают их подстраиваться к новым реалиям. В условиях высокого роста скорости передачи информации человек должен быстро реагировать и принимать взвешенные решения. Несомненно, сильное влияние на то, как быстро и верно будет найдено то или иное решение, оказывает страх.

Страх является негативной эмоцией, с которой сталкивался любой житель нашей планеты при возникновении настоящей или мнимой угрозы жизни человека,

личности и так далее. Именно поэтому феномен страха как экзистенциал жизни личности занимает значимое место в работах русских мыслителей. Данное исследование основывается на работах Н.А. Бердяева, С.А. Шестова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого.

Довольно значимый спектр состояний, вызванных страхом, раскрыт в работах Н.А. Бердяева.

Он считает, что страх является условием жизни. Одно из многочисленных понятий человека определяет его как создание, подверженное испытывать страх. Философ утверждал, что страх подразумевает опасности и угрозы для жизни человека на земле. В работе «О человеке, его свободе и духовности» можно проследить данные мысли: «И чем совершеннее, чем индивидуализированнее жизнь, тем более она угрожаема, и тем более участь ее смерть... Борьба за существование, которой полна жизнь, предполагает страх» [1].

Бердяев делает акцент на различие форм страха. Так, по его мнению, существует страх животный, связанный с низшими состояниями жизни, и страх духовный, связанный с высшими состояниями. Так как страх, как считает Бердяев, управляет всем миром, то отсюда вытекает и то, что страх непосредственно связан со временем и тем, что страдание и смерть ожидает любого человека в будущем.

В работе «Экзистенциальной диалектике божественного и человеческого» Николай Бердяев акцентировал внимание на весомую роль страха в построении и функционировании государства и общества: «Страх правит миром. Власть по природе своей пользуется страхом. Человеческое общество было построено на страхе. И потому оно было построено на лжи, ибо страх порождает ложь. Есть боязнь, что правда уменьшит страх и помешает управлять людьми. Чистая правда могла бы привести к падению царств и цивилизаций» [2].

Страх это есть Ничто. Небытие Ничто проявляется в чувстве бренности и хрупкости жизни. Такой страх появляется когда возникают потрясения дающих опору структур. Осознание конечности мира, включая собственное тело и душу, делает очевидным потенциальное разрушение экзистенции. Н. А. Бердяев писал, что

именно этот страх, страх перед неумолимым временем он ощущал в наиболее счастливые периоды жизни: «есть мучительный контраст между радостью данного мгновения и мучительностью, трагизмом жизни в целом» [3].

Темой страха был вдохновлен также русский философ-экзистенциалист Л.И. Шестов. Работа «Кьеркегард и экзистенциальная философия» была посвящена анализу произведения С. Кьеркегора «Страх и трепет». Со многими высказываниями Кьеркегора он был не согласен. Так, Шестов думал, что если безгрешный человек живет в согласии с Богом, то он никогда не изведает такое чувство как страх. О работе Кьеркегора он писал, что в его «опыте грешного человека не могло быть никаких данных, чтобы судить о человеке невинном. И менее всего он был вправе высказывать суждения, что невинность есть в то же время и страх» [4].

Страх появляется после согрешения вместе с Ничто и в последствии человека посещают сомнения, возникает недоверие к Богу. Страх порождает грех. Мнение Кьеркегора по поводу того, что в основе человеческого искушения лежит страх перед Ничто, Шестов рассматривает как прозрением акта грехопадения.

Как таковое Ничто не существует, то есть человек не в силах ему противостоять. Однако, после совершения греха Ничто обретает форму. И если до грехопадения содержание его было пустым, то после совершения ошибочного деяния становится по смыслу близко к понятию «уничтожающий». И в таком понятии Ничто обретает губительную силу. «Ничто все и всех заворожило: мир точно уснул, замер или даже умер. Ничто превратилось в Нечто, а Нечто все насквозь пронизалось Ничем» [4].

Ничто, по мнению Шестова, это хаос, которого не следует опасаться. Нужно это Ничто, этот хаос вернуть обратно в состояние, которое определяет отсутствие сущности.

Исследование феномена страха также можно провести на основании произведений авторов классической русской литературы (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой).

Достоевский считал, что страх нуждается в обучении, он не поддается достижению произвольно. В поэтике Ф.М.Достоевского прослеживается такое понимание страха, где этот феномен напрямую связывается с понятием ответственности и проблемой выбора, принятия решения, что делает его новым источником культурных возможностей.

Наиболее раннее произведение Достоевского, где страх занимает значительную роль, является небольшая повесть «Хозяйка». В данной работе страх предстает как поработавший, то есть героиня Катерина находится во власти своего страха, что даже молитва не является уже ее спасением. «Тяжело, тяжело мне теперь, час мой приходит последний! – проговорила она наконец, тоскуя в безвыходной муке. Она силилась еще что-то проговорить, но окостенелый язык ее не мог произнести ни одного слова» [5]. Можно проследить насколько заразно это чувство страха, что оно может распространиться на все общество.

В произведении «Идиот» проявляется другой страх - страх смерти. «Преступник был человек умный, бесстрашный, сильный, в годах, Легро по фамилии. Ну вот, я вам говорю, верьте не верьте, на эшафот всходил – плакал, белый как бумага. Разве это возможно? Разве не ужас? Ну, кто же со страху плачет? Я и не думал, чтоб от страху можно было заплакать не ребенку, человеку, который никогда не плакал, человеку в сорок пять лет. Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят? Надругательство над душой, больше ничего! Сказано: „не убий“, так за то, что он убил, и его убивать? Нет, это нельзя» [6]. Страх смерти можно рассмотреть с двух позиций: с позиции того, кто находится в смертельной опасности, и с позиции человека, убиваемого по приговору. Ситуации разные по той причине, что в первом варианте существует надежда на лучший исход событий, тогда как во втором варианте такой надежды нет. Также Достоевский описывает страх, который лишен разумного объяснения. Примером выступает Лизавета Прокофьевна, которая «сквозь присущее ей всегда беспокойство, ...успевала всегда разглядеть что-то такое, что пугало ее иногда до болезни, самым мнительным, самым необъяснимым

страхом, а стало быть, и самым тяжелым» [6]. Страх Елизаветы Прокофьевны требует постоянного обоснования, поиск причины появления этого страха.

Еще один страх, страх одиночества, рассматривается в произведении «Подросток». Герой романа Версиков вызывает противоречия. По мнению героя самый лучший человек в мире – это русский атеист, потому что он добр, а добр, потому что «безмерно доволен тем, что он атеист», и поэтому «наклонен приласкать Бога». Именно потому, что Его не боится. Потом он говорит невозможно любить человека таким, какой он есть. «Люди по природе своей низки и любят любить из страху; не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать. Где-то в Коране Аллах повелевает пророку взирать на «строптивых» как на мышей, делать им добро и проходить мимо, – немножко гордо, но верно. Умей презирать даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тут-то они и скверны» [7]. Люди настолько плохи, что умный человек не может не презирать даже самого себя. И только в страхе человек создает свой образ человечества и любит его, т.е. любит самого себя. Этот страх рождает любовь, но это любовь к самому себе, ложно перенесенная на человечество и потому пустая. Ведь объекта этой любви не существует. И в окончательном противоречии с этими парадоксами в романе возникает: «...страшно оно сердцу и дивно; и страх сей к веселию сердца: „Все в Тебе, Господи, и я сам в Тебе и прими меня!“» [7]. Достоевский предлагает человеку обращаться к христианским ценностям. Человек без Бога не способен найти в себе опору для преодоления страха, он может лишь уходить от самого себя, утрачивая внутреннюю свободу и оказываясь в объятиях построенного инквизитором Левиафана.

Произведениям Л.Толстого также присущ феномен страха. Примером проявления эмоции под названием страх можно проследить в ситуациях между Пьер и Элен в романе «Война и мир». Страх Пьера имеет некую этику, бесстрашие возможно только когда герой ощущает себя достаточно чистым, а желание делает эту чистоту, а значит и бесстрашие, невозможными: «Пьер знал, что все ждут только того, чтобы он, наконец, сказал одно слово, переступил через известную черту, и он знал, что он рано или поздно переступит через нее; но какой-то непонятный ужас

охватывал его при одной мысли об этом страшном шаге. Тысячу раз в продолжение этого полутора месяца, во время которого он чувствовал себя всё дальше и дальше втягиваемым в ту страшившую его пропасть, Пьер говорил себе: «Да что ж это? Нужна решимость! Разве нет у меня ее?» Он хотел решиться, но с ужасом чувствовал, что не было у него в этом случае той решимости, которую он знал в себе и которая действительно была в нем. Пьер принадлежал к числу тех людей, которые сильны только тогда, когда они чувствуют себя вполне чистыми. А с того дня, как им владело то чувство желания, которое он испытал над табакеркой у Анны Павловны, неосознанное чувство виноватости этого стремления педализировало его решимость.» [8].

Виной тревоги и неуверенности Пьера становится желание и страсть, которые и вскрывают наружу страх. Ничего этического не остаётся даже в помыслах, что уподобляется как совершение греха, порождая чувство вины и порицания. Герои романа обладают таким качеством как самоосмысление своих поступков и потому проходят через этот страх: Наташа Ростова в опере, замечая на себе взгляд Анатоля, «со страхом чувствовала, что между им и ею совсем нет преграды стыдливости, которую она чувствовала между собой и другими мужчинами. <...> Только приехав домой, Наташа могла ясно обдумать все то, что с ней было, и вдруг вспомнив князя Андрея, она ужаснулась, и при всех за чаем, за который все сели после театра, громко ахнула и покрасневшись выбежала из комнаты. <...> Все казалось ей темно, неясно и страшно. – "Что это такое? Что такое этот страх, который я испытывала к нему? Что такое эти угрызения совести, которые я испытываю теперь?" – думала она» [8]. Описываемые здесь переживания подобны тем чувствам, которые испытывал Пьер по отношению к Элен, – это страх, выросший из желания, разрушающий чистоту и потому отменяющий бесстрашие и идиллическую гармонию.

Чувство волнения в сердцах, которые загнаны в рамки этически допустимого, хотя и рождает страх, может гармонизировать с чувством счастья, пропитывать энергией, возбуждать и будоражить. В романе «Анна Каренина» Анна,

встретившись ночью в поезде с Вронским, выслушав его и оборвав его признания, чувствовала, «что этот минутный разговор страшно сблизил их; и она была испугана и счастлива этим. <...> Она не спала всю ночь. Но в том напряжении и тех грезах, которые наполняли ее воображение, не было ничего неприятного и мрачного; напротив, было что-то радостное, жгучее и возбуждающее» [9]. Здесь видно, что границы морально допустимого не нарушены, нет темного осадка, а значит и страх не парализует человека, не высасывает из него силы. Когда же черта переступлена главной героиней, страх уже теряет все светлые краски и энергию возбуждения: «она опускала свою когда-то гордую, весёлую, теперь же постыдную голову, и <...> вся сгибалась и падала с дивана, на котором сидела, на пол, к его ногам...<...> Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощения» [9]. Вронский же после первой близости с Анной испытывает вдруг страх, подобный страху убийцы перед мёртвым телом, которое предстоит расчленивать и скрыть: «Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишённое им жизни. Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценой стыда» [9]. Появляется здесь и тема страшных снов и болезненной работы подсознания: Анне снится сон, в котором они все трое (муж, любовник и она сама) вместе и счастливы, «но это сновидение, как кошмар, давило её, и она просыпалась с ужасом» [9]. Подсознание героини само начинает запускать механизмы ужасного, и этическое здесь играет роль того, что спускает этот курок.

Мишель Окутюрье, размышляя о страхе как о критерии подлинности в текстах Л.Толстого, подчёркивает, что «цель вымысла и художественного изображения состоит в том, чтобы поставить героя в такое положение, в котором будет разоблачена ложь и раскроется его подлинная суть. Подлинность – критерий в котором сливаются эстетическая и этическая оценки» [10], то есть крещение страхом и прохождение через критические ситуации показывают человека в истинном свете без притворства и прикрас и оказываются той необходимой лакмусовой бумажкой, которая может служить критерием моральной и художественной оценки. В поэтике

Ф.М.Достоевского прослеживается такое понимание страха, где этот феномен напрямую связывается с понятием ответственности и проблемой выбора, принятия решения, что делает его новым источником культурных возможностей.

Таким образом, оказывается очевидным значение исследования феномена страха и актуальность обращения к данной проблематике именно сегодня. Бесспорно, мы встречаемся здесь с проблематично широким масштабом поставленного вопроса, а потому нам кажется необходимым подчеркнуть, что наше исследование ни в коей мере не претендует на полноту и универсальность. В рамках нашей работы не представляется возможным включение в анализ полного корпуса русской литературы, также как невозможным является и рассмотрение всех аспектов феномена страха, в ней отражённых. Тем не менее, в данной статье мы постарались максимально чётко и структурировано дать представление о феномене страха вообще и в русской литературе в частности, обозначить конкретные тенденции, проявившиеся в текстах различного времени, и сформулировать некоторые выводы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Бердяев, Н. А. О человеке, его свободе и духовности. - Москва: МПСИ, 1999. - С. 114-115.
2. Бердяев, Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н.А. Бердяев. - Текст : электронный // odinblago.ru. - URL: http://odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_n_ekzistencialn/ (дата обращения 10.02.22).
3. Бердяев, Н. А. Самопознание. - Москва: Мой XX век, 2004. - С. 54.
4. Шестов, Л. И. Киркегард и экзистенциальная философия. - Москва: Прогресс - Гнозис, 1992. - С. 304.
5. Достоевский, Ф.М. Хозяйка // Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 2014. Т. 2. - С. 773.

6. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: Идиот : Роман. Ч. 1–3. М. : Мир книги, Литература, 2008. - С. 432.
7. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений : Подросток : Роман. Ч. 1, 2. М. : Мир книги, Литература, 2008. - С. 366.
8. Толстой, Л.Н. Война и мир. В 2-х тт. Т.1, ч.2. М.: Художественная литература, 1970. С. - 495.
9. Толстой, Л.Н. Анна Каренина: Роман в 8-ми частях. М.: Художественная литература, 1985. - С. 218.
10. Окутюрье, М. Страх как критерий подлинности в военных рассказах Льва Толстого. In: Семиотика страха. М.: Европа, 2005. - С. 144.
11. Шадиева Д. К. ИЗУЧЕНИЕ ХАРАКТЕРА ИЗМЕНЕНИЙ НОРМ РУССКОГО ЯЗЫКА //Ученый XXI века. – 2022. – №. 8 (89). – С. 27-32.